

— Сложение у неё весьма статное, думается, и личико будет довольно милостивым.

— Не желаете ли взглянуть на неё, госпожа? — спросила Матушка Ван.

— В том нет нужды, лучше приберегу это для Нин-эра, — голос наложницы Лэн звучал устало.

Цзо Хунцю, который даже не знал, как выглядит наложница Лэн, и чувствовал некоторую тревогу, был выведен Матушкой Ван из теплой, уютной комнаты. Цзы Хань, нервно ожидавшая у порога, увидев, что её госпожа вышла невредимой, поспешила подхватить её под руку, втайне облегченно вздохнув.

Из-за всем известной причины — простуды князя, из-за которой он не мог вставать с постели, — церемонию поклонов отменили. По знаку распорядителя свадебный пир начался. Большинство гостей составляли высокородные столичные аристократы, и, разумеется, немалая часть пришлась на долю родственников наложницы Лэн со стороны её семьи. Зал наполнился звоном бокалов и шумным весельем.

Цзо Хунцю, разумеется, не довелось вкушать вина и яств — его поспешили увести в роскошную опочивальню. Комната, украшенная красными свечами и шелковыми лентами, казалась ему пугающе холодной.

На прощание Цзы Хань, казалось, совершенно растерялась, но Цзо Хунцю сам сжал её ладонь и тихо произнес:

— Сегодня ты тоже устала, иди как следует отдохни, а завтра спозаранку придешь ко мне.

— Тогда... берегите себя, госпожа, — голос Цзы Хань дрожал, и она, оглядываясь каждые три шага, вышла за дверь.

Деревянная дверь с ажурными окнами с тихим скрипом сомкнулась, в одно мгновение отрезав его от шума и суеты внешнего мира. В комнате воцарилась тишина, такая глубокая, словно он остался единственным живым существом на всем белом свете.

Он тихонько приподнял красный платок и огляделся. На большой кровати, застеленной красным атласом, был рассыпан ровный слой красных фиников, арахиса, семян лотоса и плодов лонгана — в знак пожелания скорого рождения наследников.

Прямо напротив кровати стояла ширма из сандалового дерева с резными изображениями гор, рек и сосен. В дрожащем пламени свечей она выглядела пугающе. За ширмой виднелось большое бронзовое зеркало на подставке в форме феникса, привычное для женских покоев, и туалетный столик с разнообразными пудрами.

Цзо Хунцю даже совершил круг по комнате, но в итоге вернулся на прежнее место и присел на круглый табурет. Его сердце оставалось спокойным, и, казалось, предстоящая брачная ночь не вызывала у него ни капли беспокойства.

Закат давно догорел. Ветер, пользуясь покровом ночи, неистовствовал, с силой ударяя в двери и окна, отчего те издавали резкие щелкающие звуки. Среди этого шума Цзо Хунцю отчетливо различил приближающиеся шаги. Один из идущих ступал нетвердо, прихрамывая, словно его поддерживали под руки.

Когда дверь отворилась, даже сидя за ширмой, Цзо Хунцю ощутил, как в комнату ворвался ледяной порыв ветра.

— Кха-кха... Можете идти, — раздался слабый мужской голос.

— Слушаемся, Ваше Высочество. — Слуги осторожно прикрыли дверь, но, судя по всему, далеко не ушли — Цзо Хунцю решил, что они остановились во дворе, готовые в любой момент вернуться, чтобы помочь своему господину.

Шаги приближались. Сквозь красный платок Цзо Хунцю едва различал размытый силуэт. Он закрыл глаза, ожидая самого волнующего момента в любой брачной ночи, когда супруги впервые видят друг друга. Удовлетворение или разочарование — всё должно было стать ясно, как только платок падет.

Однако прошло время, в комнате слышалось лишь тихое дыхание двоих, а платок всё еще лежал на месте. Цзо Хунцю не стал задавать вопросов: он знал, что для жены сейчас лучшая реакция — это отсутствие всякой реакции.

И в самом деле, вскоре Девятый князь закашлялся и тихо произнес:

— Ты ведь наверняка не хотела выходить за меня замуж?

Цзо Хунцю не понял, что это значит. Неужели князь испытывает его?

В празднично украшенной красной опочивальне дрожали свечи, свет был тусклым. Цзо Хунцю казалось, что сквозь ткань платка всё вокруг приобрело красноватый оттенок. Лицо Девятого князя виделось смутным, а его слова доносились будто из другого мира.

На вопрос Девятого князя Цзо Хунцю ответил молчанием. Он хотел подождать и посмотреть, что будет дальше.

— Я прекрасно знаю о своем состоянии. Матушка-наложница настояла на этом браке, и я не смог ей отказать. Просто мне жаль тебя — выйти замуж за такого больного человека, как я, который вот-вот покинет этот мир.

Подождав немного и не услышав ответа, Девятый князь не придавал этому значения: в конце концов, вряд ли кто-то обрадовался бы браку с ним.

Девятый князь вздохнул и медленно поднялся на ноги.

— Давай поступим так: когда гости разойдутся, я прикажу отправить тебя обратно в поместье Цзо. Здесь тебе не нужно прислуживать.

Он уже дошел до выхода и собирался распахнуть дверь, как вдруг услышал холодный смешок своей новобрачной.

— Достопочтенный князь, за кого вы меня принимаете? За вещь? Хочу — призову, хочу — выгоню? Вы подумали о судьбе рода Цзо? Как мне после этого жить? Брошенная жена, которую выгнали из дворца в первую же брачную ночь? Вы понимаете, как страшны людские пересуды?

Девятый князь остановился и горько усмехнулся.

— Я был неосторожен.

— Сегодня день нашей свадьбы. Как бы вы ни рассуждали, заставлять невесту, которая весь день была на ногах и маковой росинки во рту не держала, сидеть до рассвета с платком на голове — это, по меньшей мере, неблагоприятно.

Девятый князь замер. На его изможденном болезнью лице, которое до того казалось совсем увядшим, неожиданно ярко сверкнули глаза.

Интересная особа.

Он развернулся и, продолжая покашливать, подошел к Цзо Хунцю, взяв в руки палочку для поднятия покрывала. Руки его слегка дрожали — то ли от жалости к себе, то ли к невесте. Поколебавшись, он осторожно просунул палочку под красный шелк и приподнял его. Алое полотно скользнуло вниз.

Его взгляд проследил за падающей тканью, остановившись на пышном свадебном наряде. Множество слоев сложного кроя, однако, не выглядели громоздко — словно распускающийся в ночи цветок, скрывающий в своей сердцевине нежное благоухание.

Да, он давно не видел столь прекрасной женщины. Её прическа была простой: тяжелые, как смоль, волосы ниспадали на плечи, а голову украшала шпилька с жемчугом в форме феникса. Алые губы, белые зубы, нежная кожа и взгляд, подобный ряби на воде — всё это заставило дыхание Девятого князя перехватить. Рука с палочкой так и замерла в воздухе.

В глазах Цзо Хунцю этот легендарный Девятый князь предстал во всей красе. В отличие от слухов о его болезненном виде, он действительно выглядел нездоровым, но в алом халате, с серебряной короной на голове и нефритовой подвеской на поясе князь выглядел куда бодрее. Особенно поражали его глаза: даже в тусклом свете свечей они не теряли своей пронзительной остроты.

— Довольно, — действие, казалось, отняло у Девятого князя последние силы. Он бессильно опустил на край кровати и с виноватой улыбкой добавил: — Скоро мне пора принимать

лекарство. Ты устала, отдохни пораньше. О твоей судьбе я подумаю позже, обещаю, что не дам в обиду ни род Цзо, ни тебя.

Цзо Хунцю взгляделся в черную пустоту за окном. Неизвестно когда, но в небе закружились хлопья снега. В дрожащем свете свечей лицо князя казалось бледным.

— Я пойду с вами.

— Не нужно.

— Я ваша жена, я пойду с вами.

— ...

Девятый князь постучал по оконной раме, и двое стражников, дежуривших снаружи, немедленно отозвались.

— Принесите... княгине зонт и плащ.

— Слушаемся, Ваше Высочество.

Скрывшись за ширмой, Цзо Хунцю сбросил тяжелое свадебное платье и облачился в темно-красный стеганый халат с узором. Поверх он накинул черный плащ, предоставленный князем, и плотно запахнул воротник. Но даже так, когда порывы ветра со снегом ударили в лицо, он почувствовал пробирающий до костей холод.

Девятый князь, укутанный еще сильнее, с трудом передвигался, опираясь на двух стражников. К счастью, его спальня находилась недалеко от брачных покоев — дошли они, примерно, за полчаса.

Как только они вошли, в нос ударил густой запах лекарств. Цзо Хунцю, вдохнув этот знакомый аромат, почувствовал себя спокойнее. В комнате горело несколько масляных ламп, и в их свете Цзо Хунцю увидел множество книг, горы свитков на столе с ещё не высохшими чернилами. Даже на кровати в глубине комнаты лежало несколько томов.

— Прошу прощения за беспорядок, княгиня, — сказал Девятый князь, присаживаясь на стул с толстыми подушками, куда его усадили слуги.

Комната для варки отваров находилась по соседству, и пар от свежего лекарства, гонимый сквозняком, проникал в спальню, делая горечь в воздухе ещё более ощутимой.

— Можете присесть, где удобно, — произнес князь, уже привыкший к запаху, и углубился в чтение книги.

— Благодарю. Но я бы хотела взглянуть на то, как готовится отвар.

— Вы будущая хозяйка этого поместья, вольны ходить, куда пожелаете, — Девятый князь мельком взглянул на Цзо Хунцю и добавил с удивлением: — Вы первая, кто вошел в эту комнату и не пожаловался на лекарственный смрад.

— Вот как?

— Даже матушка-наложница не выдерживает здесь и мгновения, — в глазах Девятого князя блеснул интерес. — А княгиня воспринимает это как должное. Похоже, вы, как и я, выросли на лекарствах.

Цзо Хунцю снял плащ и повесил его в стороне.

— Можно сказать и так, супруг мой.

Он прошел в соседнюю комнату. Видимо, близость спальни к месту варки лекарств была делом удобства. Две служанки сидели у печи: одна внимательно следила за пропорциями в горшке, другая подбрасывала дрова. Увидев чужака, они застыли в недоумении, но быстро поклонились, не зная, как к нему обратиться.

— Продолжайте, я просто взглянула, — сказал Цзо Хунцю.

Служанки, облегченно выдохнув, вернулись к работе.

Цзо Хунцю заметил на полке с лекарствами несколько готовых наборов трав.

— Это вы сейчас варите? — спросил он.

Одна из служанок кивнула:

— Да, госпожа.

Бросив беглый взгляд, он сразу понял состав: анжелика, ремания, горец, пион, желатин из ослиной кожи и ягоды годжи для восполнения крови; женьшень, кодонопсис, астрагал, лакрица для энергии ци; оленьи панты, цистанхе, суоян для поддержания ян. Похоже, здесь собрали все самые дорогие тонизирующие средства, которые только можно было найти в Поднебесной.

Однако, вглядевшись в лицо Девятого князя, он заметил легкую черноту под веками, а на ватных тампонах, лежавших в комнате, проступили пятна с подозрительным фиолетовым оттенком, который обычный человек не заметил бы.

Князь вовсе не был болен — его медленно травили.

— Отвар готовят не так.

Служанки вздрогнули, услышав голос Цзо Хунцю, который до этого молча наблюдал за ними.

— Эти травы нужно томить на медленном огне долгое время, и крышку следует держать плотно закрытой, чтобы целебная сила не испарялась вместе с запахом.

Служанки, уже догадавшиеся, кто перед ними, начали суетливо исправлять свои действия.

— Вы обе отвечаете за приготовление лекарств? Отныне я буду лично проверять все рецепты и ингредиенты. Без моего разрешения ничего не менять, поняли?

— Да, госпожа.

— Хорошо, поварите еще немного, а потом подавайте.

Вернувшись в спальню, Цзо Хунцю обнаружил, что за короткий путь его плечи и волосы покрылись тонким слоем снега.

— Кха-кха... Не могу привыкнуть к жизни без лекарства, вот ведь напасть. Прошу простить, княгиня, — Девятый князь отложил книгу, выглядя совершенно изможденным.

Цзо Хунцю подошел ближе, вглядываясь в его лицо.

— Ваша комната для отваров не уступает лучшим столичным аптекам. Столько редких ингредиентов... Неудивительно, что в поместье так скудно, видимо, все деньги уходят на лекарства.

Девятый князь постучал длинными пальцами по столу. Ему казалось, что эта загадочная дочь рода Цзо говорит намеками. В юности он был строптив, но долгие годы болезни притупили его нрав. Услышав язвительное замечание, он не обиделся:

— Это верно. Столько лет я принимаю тонны трав, но толку нет. Жаль потраченных средств.

Цзо Хунцю тихо улыбнулся:

— Лекарства хороши, но если они не от той болезни, какой в них смысл?

Князь откинулся на мягкую спинку кресла и вздохнул:

— За эти годы я перепробовал советы множества прославленных врачей. Слышал это сотни раз, каждый раз надеясь, но результат один — никаких улучшений. Княгиня, я ценю вашу заботу, но смирился со своим состоянием. Если я еще цепляюсь за жизнь, то лишь потому, что не хочу уходить так рано.

Цзо Хунцю замялся. Он знал, что, даже если скажет правду об отравлении, князь лишь решит, что он красуется перед ним.

— Будьте спокойны, я держу свое слово. У меня в запасе есть хотя бы год. За это время я придумаю, как безопасно отправить вас из дворца, чтобы вы и род Цзо были в безопасности.

Цзо Хунцю молчал.

Раздался стук, и стражник вошел с докладом:

— Ваше Высочество, лекарство готово.

— Хорошо, принесите его.

Служанка осторожно внесла чашу с отваром. Девятый князь указал на стол:

— Поставь на прежнее место.

Однако Цзо Хунцю перехватил чашу и сказал служанке:

— Можешь идти, я сама.

Девятый князь спокойно посмотрел на него и усмехнулся:

— Мне не нужно, чтобы кто-то кормил меня с ложечки.

Когда в комнате не осталось никого, Цзо Хунцю вздохнул:

— Думаете, мне доставляет радость вас поить? Я хочу вылить это в окно.

Князь застыл:

— Вы... шутите?

Цзо Хунцю подошел к окну, приоткрыл створку — внутрь тут же ворвался ледяной ветер со снегом. Убедившись, что снаружи никого нет, он действительно вылил горячий, густой отвар.

— Это нелепо! Как можно просто так выливать лекарство? — даже у самого терпеливого человека лопнуло бы терпение, и в голосе князя слышалось раздражение.

Цзо Хунцю закрыл окно и отряхнул снег с рукавов, не отвечая сразу. Он подошел к столу, поставил пустую чашу на подставку и поднял глаза:

— Ваше Высочество, как давно вы принимаете этот состав?

Девятый князь ответил холодно:

— Больше месяца. А что?

— И вы считаете, что вам стало лучше?

— Кха-кха... Лучше? Вы шутите? То, что я еще жив — уже удача. Впрочем, я удивлен, княгиня — вы, оказывается, разбираетесь в медицине? — голос князя стал ледяным.

Хоть он и был болен, но даже умирающий тигр остается тигром. Когда князь нахмурился, воздух в комнате словно сгустился под давлением его природного величия. Любой другой на

месте Цзо Хунцю упал бы на колени, но тот остался невозмутим. Перебирая пальцами держатель для кистей на столе, он улыбнулся:

— Прошу, не гневайтесь. Я просто хочу предложить вам пари.

— Говорите, — процедил князь.

— Ваше Высочество, питайтесь нормально в течение трех дней, но отвары не принимайте. Если через три дня ваше состояние ухудшится, можете распорядиться моей жизнью, как пожелаете.

Глаза князя дрогнули:

— О? Вы так уверены? Или вы считаете, что в лекарстве есть яд?

— Я не это имела в виду. Ингредиенты настоящие, обычному человеку они пошли бы на пользу, но вы... вы отличаетесь от других.

Цзо Хунцю замолчал, а затем добавил:

— Раз вы мне не верите, слова бесполезны. Давайте просто подождем три дня и увидим результат.

Девятый князь неотрывно смотрел на него, и холод в его взгляде начал таять.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Надеюсь, вы выиграете это пари.

— Только пусть слуги по-прежнему варят отвар, чтобы никто ничего не заподозрил, — добавил Цзо Хунцю.

Князь устало кивнул:

— Я понял. Поздно уже. Хотя сегодня наша брачная ночь, мое тело слишком слабо, не стоит тратить силы. Вы... не вините меня?

— Я понимаю, — Цзо Хунцю развернулся. — Отдыхайте, Ваше Высочество. Матушка Ван говорила, что завтра утром нам нужно вместе предстать перед наложницей Лэн.

— Хорошо. Линь Цин, проводи княгиню.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Молодой стражник, дежуривший у двери, открыл её и раскрыл над Цзо Хунцю бамбуковый зонт. Ночь была глубокой, земля укрыта белоснежным ковром. Цзо Хунцю плотнее запахнул воротник и пошел вперед, склонив голову, пока хлопья снега, похожие на бесконечные жемчужные нити, опускались на землю.

Слушая удаляющиеся шаги, Девятый князь собрался с силами и взял со стола свиток — список кандидаток в жены, присланный из Управления Императорского Рода. Он перевернул страницу:

Цзо Цяолян, дочь помощника министра ритуалов Цзо Минюаня, шестнадцать лет, с детства знаток Женских наставлений, целомудренная, скромная, кроткая и добродетельная, образованная...

Дочитав, князь закрыл свиток и прикрыл глаза, погружившись в глубокие думы.

На следующее утро, когда небо едва начало сереть, Цзо Хунцю проснулся. Снег прекратился, и мир за окном был укутан толстым слоем белого полотна, отчего казалось, что и душа человека очистилась вместе с этим пейзажем.

Комната слуг была по соседству.

— Цзы Хань, ты проснулась?

Услышав голос госпожи, четырнадцатилетняя девушка в опрятной одежде с ведром горячей воды поспешила войти. Цзо Хунцю принял воду, и, заметив, что Цзы Хань топчется у порога, не решаясь войти, улыбнулся:

— Входи, князя здесь нет.

Цзы Хань облегченно выдохнула, осторожно заглянула внутрь и с опаской спросила:

— Госпожа... как вы провели вчерашнюю ночь?

— Хорошо, лучше и быть не может. Скорее помоги мне умыться и причесаться, мне нужно идти к князю.

Цзы Хань на самом деле не знала, что Цзо Хунцю — мужчина; госпожа лишь сказала ей, что он — дальняя двоюродная сестра её госпожи.

<http://bllate.org/book/21872/2270672>